Блауберг И.И.

Рецензия на монографию А.А. Кротова «Мальбранш и картезианство»

(М.: Изд-во Московского ун-та, 2012. 320 с.)

Монография А.А. Кротова посвящена теме, безусловно актуальной для отечественной историко-философской науки. В ней впервые осуществлен систематический, целостный анализ философского учения Мальбранша, крупнейшего представителя картезианской школы, причем этот анализ проведен на широком историко-культурном фоне, в контексте эволюции картезианской философии конца XVII – начала XVIII в. Тогда как в зарубежной, прежде всего французской, литературе концепция Мальбранша постоянно привлекала внимание, давно стала предметом углубленного анализа (ей посвящались порой многотомные труды), у нас долгое время дело обстояло иначе, что существенно сужало горизонт историко-философских исследований. Тем важнее работа, проделанная А.А. Кротовым. Описание теоретической ситуации, в которой формировались идеи Мальбранша, рассмотрение основных разделов его философии и путей ее влияния, изложение различных, порой резко контрастирующих между собой мнений, высказывавшихся исследователями его учения, – вот элементы новаторского замысла автора, той сложной и насущной задачи, с решением которой ему вполне удалось справиться.

Данная работа важна еще и потому, что многие из проблем, сформулированных в рамках изложенных в ней концепций, равно как их решения, предлагавшиеся в этот период, были в той или иной форме унаследованы последующей философией, вошли в ее теоретический багаж и продолжали обсуждаться позже, в XVIII–XX вв. Поэтому особенно значимым представляется дальнейшее прояснение их истоков, выявление малоизвестных или совсем еще не известных у нас

мыслителей, каждый из которых внес свою лепту в создание культурной атмосферы эпохи. Чем больше расширяется контекст философского знания конкретной эпохи, тем больше обогащаются наши представления о путях эволюции философских идей, их взаимосвязях, перекличках, порой через столетия. И нельзя, думается, не признать существенной заслуги А.А. Кротова в деле уточнения, конкретизации историко-философского процесса, заполнения пробелов в картине развития европейской метафизики. Проведенное им исследование отчетливо показывает, что философская жизнь во Франции конца XVII – начала XVIII в. оставалась вполне динамичной; здесь активно обсуждались в этот период направления философской мысли, очерченные Декартом, шли дискуссии как между сторонниками и противниками великого рационалиста, так и внутри самого картезианства.

В монографии отображен как исторический аспект становления картезианской школы мысли, так и логический аспект – логика переосмысления, корректировки отдельных положений учения Декарта. Автор показывает, что разногласия представителей картезианства были во многом связаны с осознанием недостаточности или неубедительности предложенных их учителем решений некоторых философских проблем. «Последователи Декарта, – отмечается в монографии, – концентрировали свое внимание в первую очередь на тех вопросах, которые казались им недостаточно полно рассмотренными самим учителем. Отсюда преимущественное внимание одних к физике, других – к методологии, третьих – к метафизике… Именно наличие этих проблем стимулировало дальнейшее развитие картезианства как особого направления новоевропейской философии» (с. 42). Известно, что учение Декарта о двух субстанциях, качественно разнородных и по сути не связанных друг с другом, привело ко множеству затруднений, которые в свое время послужили важным «когнитивным стимулом» для других классиков рационализма XVII в. – Спинозы и Лейбница – и до сих пор обсуждаются, например, в современной литературе по философии сознания и т.п. Не остались они, разумеется, незамеченными и в кругу сторонников Декарта. Из монографии мы узнаём о том, какие решения предлагались по этому вопросу картезианцами, чем обосновывались, какие проблемы и затруднения, в свою очередь, вызывали. Попытки модификации этих решений приводили порой к очень существенному отходу от концепции Декарта, как это, скажем, получилось у Кордемуа, подвергшего весьма радикальному пересмотру учение Декарта о материи, у Деруа, отвер-

гавшего учение о врожденных идеях и существенно скорректировавшего онтологический дуализм «отца-основателя», или у Режи, в философии которого отчетливо прослеживается тенденция к эмпиризму.

Проведенный автором детальный анализ позволяет ему уточнить представления о развитии философской мысли XVII–XVIII вв., показать, что привычная картина противостояния рационализма и эмпиризма оказывается при ближайшем рассмотрении более сложной. Соответственно уточняется и вопрос об истоках последующих философских воззрений и учений. Так, «приверженность французских просветителей эмпирической методологии, – пишет А.А. Кротов, – находит свое объяснение не только во влиянии со стороны британских философов, а также стремительно прогрессировавшего естествознания, но и во внутренней логике развития картезианской школы» (с. 93). Как показано в монографии, в учениях самих рационалистов опыту могло отводиться весьма существенное место, а некоторые эмпиристы, например Беркли и Юм, в свою очередь в ряде суждений оказывались близкими к рационалисту Мальбраншу.

Структура книги вполне четкая и продуманная. В первом разделе автор рассматривает основные линии развития картезианской философии, в соответствии с областями знания, которые разрабатывались последователями Декарта. Это физика, методология, окказионалистская метафизика и проект систематизации научного знания, выдвинутый Пьером Режи. А.А. Кротов кратко показывает, каким образом основные принципы и положения философии Декарта осмыслялись, уточнялись, развивались в работах его сторонников – Х. Деруа, Ж. Рого, Б. Фонтенеля, А. Арно и П. Николя, Л. де Лафоржа, Ж. де Кордемуа, П.С. Режи и др. Не оспаривая авторитет Декарта, но осознавая наличие противоречий и внутренних неувязок в его концепции, каждый из них по-своему пытался решить эти проблемы. В данном плане автор характеризует окказионализм как особое течение внутри картезианства, сторонники которого признали необходимость не просто корректировки отдельных положений их учителя, но дальнейшей разработки его метафизического учения. Главной проблемой, из осмысления которой исторически вырос окказионализм, явилась психофизическая проблема, решение которой Декартом не удовлетворяло многих его сторонников. Представители окказионализма (от лат. occasio – случай, повод) заняли здесь особую позицию, доказывая невозможность естественного взаимодействия между телесной и духовной субстанциями и необходимость прибегнуть для объяснения их взаимосвязи к божественному вмешательству. Душа и тело оказы-

ваются в таком случае всего лишь окказиональными причинами, т.е. служат поводом к изменениям, которые на деле производятся Богом. Рассмотрев концепции Клауберга, Гейлинкса, Лафоржа и Кордемуа, сформулировавших исходные теоретические принципы окказионализма, и обрисовав тем самым историческую и теоретическую ситуацию, создавшую «питательную почву» для формирования системы Мальбранша, А.А. Кротов переходит во втором разделе к подробному анализу самой системы, представленной во всех ее частях: это теория бытия, теория познания, физика, антропология, этика и философия религии. Здесь исследуется онтологическое учение Мальбранша, в том числе теория окказиональных причин; анализируются основные положения его гносеологической концепции, сформулированные им четыре способа познания. Автор исследует, какую роль играет в онтологии и теории познания Мальбранша оригинальное понятие интеллектуальной протяженности, излагает учение о «видении всех вещей в Боге», подробно останавливаясь на способах обоснования ораторианцем этого учения. Именно эти положения составили своеобразие философской позиции Мальбранша, и поэтому естественно, что они вызывают особый интерес у читателя (кстати, интересно было бы узнать, на что опирался Мальбранш при разработке этих моментов своего учения, не было ли у него предшественников в такой трактовке). Наконец, в заключительной, 8-й главе данного раздела речь идет о дальнейшей судьбе концепции Мальбранша, раскрыта суть той критики, которой подвергались его воззрения еще при жизни философа, а также освещается влияние его идей на последующую философскую мысль.

Несомненным достоинством монографии является то, что в ней не только основательно и целостно исследуются взгляды Мальбранша, но и подробно излагаются мнения исследователей его философии, чьи оценки порой очень существенно различаются. Так, автор анализирует «спор о пантеизме» ораторианца, продолжавшийся два столетия. Суть спора А.А. Кротов формулирует так: «...нужно ли считать систему Мальбранша логически неизбежным «переходным этапом» на пути от «неустойчивого» картезианского дуализма к пантеистической модели мира? Скрывает ли в себе философия Мальбранша «элементы» спинозизма?» (с. 128). В монографии приведены аргументы и сторонников, и противников сближения концепции Мальбранша со спинозизмом и сделан вполне обоснованный, на наш взгляд, вывод о том, что французского философа едва ли правомерно относить к теоретикам пантеизма, что его учение скорее заключает в себе тенден-

цию к монизму, но содержит и иные возможности, выявить которые во многом помогает именно анализ различных трактовок онтологии Мальбранша. К подобному методу автор прибегает и в других случаях, например при изложении различных интерпретаций теории познания, в том числе теории видения вещей в Боге, при выявлении соотношения в гносеологии Мальбранша августинианских и картезианских элементов. Здесь А.А. Кротов убедительно показывает, что теория видения в Боге, при всем ее своеобразии, не выпадает из общей конструкции рационализма ораторианца, не может быть охарактеризована как мистическая, а является необходимым элементом его системы, прочно связанным с другими ее элементами. Такие внутренние связи, образующие логический каркас системы Мальбранша, автор прослеживает и при анализе его естественно-научных воззрений, а также этики, антропологии и философско-религиозного учения.

Особый интерес представляет, на наш взгляд, проведенное А.А. Кротовым в 7-й главе сопоставление философии религии Мальбранша с учениями ведущих французских религиозных мыслителей второй половины XVII в. – Боссюэ и Фенелона. Предпринятое здесь автором изложение взглядов Боссюэ и Фенелона, думается, вполне уместно и полезно. Во-первых, эта тема важна сама по себе, поскольку в ней отражаются различные тенденции философии религии данного периода, своеобразие французской религиозной традиции. А во-вторых, ее изложение подводит автора к общему выводу о том, что хотя картезианские идеи глубоко затронули интеллектуальную культуру XVII столетия, все же нет особых оснований для причисления Боссюэ и Фенелона к представителям картезианства, в отличие от Мальбранша. На фоне анализа их идей особенно четко высвечиваются особенности философско-религиозной концепции Мальбранша, которая, как пишет А.А. Кротов, «во всех своих важнейших пунктах остается тесно соединенной с главными положениями картезианского рационализма и механицизма» (с. 243). И это проведенное автором монографии обоснованное разграничение имеет, на наш взгляд, важное концептуальное и методологическое значение, с учетом той роли, которую сыграли идеи Боссюэ и Фенелона позже, уже в XIX столетии, во французской политической философии (например, в учении Жозефа де Местра) и в концепциях представителей французского спиритуализма, в том числе Мен де Бирана и Ф.Равессона.

Отмеченное выше достоинство монографии – ее, скажем так, полифоничность, изложение мнений предшествующих исследователей

по разным, в том числе наиболее дискуссионным, аспектам философии Мальбранша нашло особое выражение в заключительной, 8-й главе работы. Здесь вновь развернута широкая панорама, демонстрирующая дискуссии внутри самого картезианства, различные – и критические, и позитивные – отклики его представителей на теорию великого оратория нца. Как подчеркивает А.А. Кротов, влияние его идей было столь значительным, что во многом определило дальнейшую эволюцию картезианства. У Мальбранша появились не только критики (Арно, Режи, Фонтенель), но и сторонники, развивавшие его концепцию в разных направлениях, например Ив Андре, создавший с опорой на его идеи оригинальную эстетическую теорию. В монографии освещена и столь важная тема, как воздействие учения Мальбранша на ведущих мыслителей его эпохи, в том числе Лейбница, Беркли и Юма, чьи позиции по ряду вопросов оказываются весьма близкими к высказанным им положениям.

Таким образом, философия Мальбранша предстала в изложении А.А. Кротова как один из важнейших этапов эволюции картезианства, связанный отношением преемственности с учением Декарта, но и отличающийся несомненным своеобразием, которое, как отмечает автор в заключении, обусловлено прежде всего стремлением прочно связать картезианскую метафизику с религией, объединить философию и религию в рамках «научной метафизики» (с. 309). Стремясь скорректировать позицию Декарта, устранить имеющиеся в его учении теоретические изъяны, Мальбранш, как показано в монографии, сам не сумел избежать внутренних трудностей и проблем, хотя именно у него окказионализм обрел систематический характер, предстал в форме детально разработанной метафизической системы.

Частных замечаний по тексту работы у меня немного, и они одного типа. Хотя, как правило, изложение в книге строится вполне последовательно и связно, есть несколько моментов, нуждающихся, на мой взгляд, в более подробном анализе. Так, говоря на с. 128 о «споре о пантеизме», автор формулирует вопрос: «...можно ли видеть в последовательности новоевропейских философских систем лишь выражение "чувства жизни" или же это строго необходимый процесс, обусловленный скорее имманентной теоретической логикой, чем индивидуальными особенностями различных мыслителей?» Мне кажется, стоило бы пояснить, почему здесь идет речь именно о «чувстве жизни». Второе замечание касается изложения А.А. Кротовым проблемы свободы у Мальбранша. Здесь автор пишет: «Чем же является эта человеческая свобода? Взятая в онтологическом плане, она – ничто»

(с. 194). Это положение, очень интересное в историко-философском отношении, остается все же недостаточно разъясненным. Ведь то, о чем говорится далее: свобода как возможность ничего не делать – не равнозначно именно онтологическому ничто. Здесь хотелось бы видеть более подробное обоснование данного тезиса.

Есть и одна более общая проблема, о которой хотелось бы сказать подробнее. Дело в том, что сам избранный автором стиль изложения заставляет задуматься о наличии разных способов подачи историко-философского материала и их соответствии (или несоответствии) конкретным исследовательским ситуациям и задачам. С одной стороны, в не раз уже упоминавшейся полифонии различных мнений, приводимых А.А. Кротовым, мне как-то не хватало его собственного голоса. Он, конечно, присутствует: как правило, представленный широкий спектр оценок завершается авторскими выводами, подведением итогов: с кем-то автор спорит, с кем-то соглашается. Но выводы эти мне показались слишком лаконичными, хотелось бы все же увидеть более пространный анализ, более развернутую формулировку собственной позиции. С другой стороны, мне редко приходится встречать столь «обильное» изложение множества точек зрения, высказывавшихся исследователями по поводу той или иной концепции рассматриваемого философа, что потребовало освоения обширной литературы – как оригинальных источников, так и многочисленных исследовательских материалов. А.А. Кротов дает возможность высказаться очень многим, и их мнения, часто противоречащие друг другу, создают дискуссионное поле, тот сложный контекст, в котором идеи Мальбранша обретают новое измерение, поворачиваются новыми сторонами. А ведь среди писавших о Мальбранше были и великие мыслители разных времен. Подобную ситуацию описывает, применительно к учению Декарта, известный французский философ и историк философии Жан-Люк Марион, рассуждающий о позиции современного исследователя по отношению к классическим учениям. С точки зрения Мариона, современный интерпретатор должен обладать «скромностью и умом, чтобы признать, что Арно, Спиноза, Боссюэ, Фенелон, Локк, Лейбниц, Вольтер, Беркли, Юм, Кант, Шеллинг или Гегель (и даже Ницше, Гуссерль и Хайдеггер) гораздо лучше поняли Декарта, чем это когда-либо сможет сделать он сам [т.е. интерпретатор]: культурное родство и философский гений проникают по крайней мере столь же далеко, как его собственный взгляд, пытающийся различить смысл теорий и решений зачинателя современной философии. Известно, что Декарта читали и обсуждали все без исключения

великие философы, пришедшие после него; это критерий величия мыслителя, но также и неоценимая помощь нам в определении его значения...»[1]

Итак, Марион призывает современного исследователя к своего рода «смирению» перед лицом великих авторитетов. Едва ли все историки философии согласятся с этим мнением, но нельзя не признать, что Марион говорит здесь об очень важных вещах: действительно, чересчур большая историческая дистанция, отделяющая нас от исследуемого автора, препятствует пониманию самих вопросов, которые он стремился решить, и обсуждение этих вопросов его современниками, говорившими с ним на одном философском языке, или мыслителями иных эпох, но все же более близких к нему по времени, чем наша, может многое прояснить и для нас. Возможно, А.А. Кротов также руководствовался подобной максимой, избирая способ изложения в своей монографии. Если вдуматься в задачу, которую он перед собой ставил, то становится ясно, что избранный им метод отчасти диктуется самим материалом. Ведь его работа не является «еще одним исследованием» идей какого-то хорошо известного философа. В рассмотрение здесь вводится масса новых для нас сведений, фактов, идей, так что в определенной степени акцент на изложении становится неизбежным. В какой именно степени? – Этот вопрос каждый автор, разумеется, волен решать для себя сам, но лишний раз задуматься над ним, наверно, стоит.

В заключение еще раз отметим, что проведенное А.А. Кротовым исследование существенно обогащает картину развития философской мысли конца XVII – начала XVIII в., вносит в нее новые оттенки, до сих пор ускользавшие от внимания отечественных историков философии.

ЛИТЕРАТУРА

Кротов А.А. Философия Мальбранша. М., 2003.

Marion J.-L. Quelques règles en l'histoire de la philosophie // Les études philosophiques. 1999. № 4.

[1] *Marion J.-L.* Quelques règles en l'histoire de la philosophie // Les études philosophiques. 1999. № 4. P. 506.